

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья

УДК 343.847(574)

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.419-427

ПРОБАЦИЯ И «ЗИГЗАГИ» УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Куат Хажумуханович Рахимбердин¹

¹ Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, matai71@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются узловые вопросы, связанные с современным состоянием probation в законодательстве и правоприменительной практике Республики Казахстан. Анализируются предпосылки ее становления и принимается попытка ответить на вопрос: почему probation, пионером которой на евразийском правовом пространстве стал Казахстан, оказалась в кризисном состоянии, возникла угроза ее дальнейшему успешному развитию. Уделяется внимание проблеме отсутствия единого концептуального подхода к пониманию сущности probation, актуальной не только для Республики Казахстан, но и для Российской Федерации. Рассматривается вопрос о путях возможного развития службы probation в Казахстане как способа преодоления ее кризиса. По результатам исследования автором сделаны выводы о необходимости универсального концептуального подхода к пониманию сущности probation, а также о целесообразности создания самостоятельного государственного органа – Агентства probation Республики Казахстан.

Ключевые слова: probation, Казахстан, наказание, осужденный, социальная реинтеграция, наказание, уголовная политика

Для цитирования

Рахимбердин К. Х. Пробация и «зигзаги» уголовной политики государства в Республике Казахстан: проблемы и пути решения // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 3. С. 419–427. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.419-427.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL SANCTIONS

Original article

PROBATION AND THE "ZIGZAGS" OF THE STATE'S CRIMINAL POLICY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Kuat Khazhumukhanovich Rahimberdin¹

¹ Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, matai71@mail.ru

Abstract. The article discusses the key issues related to the current state of probation in the legislation and law enforcement practice of the Republic of Kazakhstan. The prerequisites for its formation are analyzed and an attempt is made to answer the question: why is probation, which Kazakhstan has become a "pioneer" in the Eurasian legal space, in a state of crisis that threatens the possibility of its further successful development. The author pays attention to the problem of the lack of a unified conceptual approach to understanding the essence of probation, which is relevant not only for the Republic of Kazakhstan, but also for the Russian Federation. The issue of possible development of the probation service in Kazakhstan as a way to overcome its crisis is being considered. Based on the results of the study, the author draws conclusions about the need for a universal conceptual approach to understanding the essence of probation, as well as the expediency of creating an independent state body – the Probation Agency of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: probation, Kazakhstan, punishment, convict, social reintegration, punishment, criminal policy

For citation

Rahimberdin, K. Kh. 2025, 'Probation and the "zigzags" of the state's criminal policy in the Republic of Kazakhstan: problems and solutions', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 3, pp. 419–427, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.419-427.

Становление и развитие института пробации в Республике Казахстан было не случайным, а вполне закономерным процессом. Можно сказать, что этот процесс нашел отражение в уголовной политике Казахстана, как в своеобразном «зеркале», позволяющем видеть не только красивые, привлекательные черты, но и определенные изъяны, которые совсем не хотелось иметь. Следует признать, что пробация в Казахстане появилась не от хорошей жизни, а стала серьезной попыткой преодоления системного кризиса пенитенциарной политики государства на рубеже XX–XXI вв.

В юридической науке отмечается, что в тот период времени «в самой уголовно-исполнительной системе накопилось много проблем, которые нужно было решать: переизбыток заключенных, высокий уровень заболевания туберкулезом, смертности сре-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

ди осужденных, насилия одних осужденных над другими... Настоящим бичом системы стал рост преступности в местах лишения свободы. Например, только в 1994 г. было совершено 1204 преступления в местах лишения свободы» [1, с. 23].

Не прибавлял оптимизма высокий уровень тюремного населения (Казахстан занимал 3-е место в мире по удельному весу заключенных в пенитенциарных учреждениях). Стремление преодолеть данные проблемы и изменить ситуацию, когда уголовно-исполнительная система рисковала превратиться в некий «конвейер» по воспроизводству преступности, совпало с процессами демократизации казахстанского общества и государства, определенными шагами навстречу международным стандартам прав и свобод человека, предпринятыми политическим руководством страны. Пробация оказалась своего рода «нитью Ариадны», как писал один из ее исследователей более двадцати пяти лет назад [2, с. 14]. На нее, как на эту «нить», возлагали большие надежды в поисках путей преодоления кризисных явлений в уголовной и уголовно-исполнительной политике Республики Казахстан, а также в создании действенного механизма альтернатив лишению свободы.

Профессор А. И. Зубков задавался вопросом о том, нужна ли такая карательная политика, которая деформирует общество, вторгаясь в определенной степени в его генофонд [3, с. 9]. Вполне очевидно, что с пробацией многие связывали надежды на преодоление подобных перекосов.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что на доктринальном уровне в Казахстане, а в настоящее время и в России, велись и ведутся дискуссии относительно того, что понимать под пробацией и что входит в ее содержание. Эти дискуссии, а также последующее институциональное закрепление пробации в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан (РК), а в 2016 г. – в отдельном самостоятельном Законе РК «О пробации», совпали с масштабным сокращением численности тюремного населения более чем в три раза. Однако означает ли это несомненное достижение, что в «зеркале» уголовной политики страны пробация предстала в образе античной красавицы? К сожалению, этот образ оказался замутненным и даже вызвал разочарование в ее способности преобразовать систему уголовно-исполнительных мер в Казахстане.

Появление пробации в правовом поле Казахстана началось с методологической ошибки законодателя, который не выделил пробацию в отдельный уголовно-правовой институт и даже не пошел на имплементацию известной резолюции Экономического и Социального Совета ООН 1951 г., признавшей пробацию помещением на режим испытания определенных категорий сравнительно неопасных преступников. Казахский законодатель посчитал, что пробация – лишь составная часть наказания в виде ограничения свободы. Таким образом, пробация была спрятана под «занавесом» данного уголовного наказания. С тех пор казахстанского законодателя и правоприменителя не покидает своего рода когнитивный диссонанс, проявившийся в стремлении соединить правовой гибрид пробационного контроля и ограничения свободы с попытками объяснить пробацию как систему мер социально-правовой и иной помощи осужденным. К чему привели эти попытки? К сожалению, под флагом гуманизации уголовной политики Республики Казахстан случился кризис института пробации, усугубляемый фактическим отсутствием единого концептуального понимания института пробации как инструмента или метода осуществления уголовной и уголовно-исполнительной политики. В настоящее время законодательством Республики Казахстан предусмотрены четыре модели

пробации. Однако фактически работает только одна из них – приговорная пробация, охватывающая исполнение наказаний без изоляции от общества.

Согласно официальным данным КУИС МВД РК, среди лиц, находящихся на пробационном контроле, 70,6 % составляют осужденные к ограничению свободы; 13,8 % – осужденные, лишённые права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. При этом удельный вес условно осужденных составил 11,8 %. Доля лиц, отбывающих наказание в виде привлечения к общественным работам, составила 1,7 %, осужденных с отсрочкой отбывания наказания – 2,1 %, в то время как численность осужденных к исправительным работам была равна 0,03 % [4, с. 7]. Сведения об этом приведены в таблице 1. Эти данные свидетельствуют о неоправданном перекосе карательной практики, при котором исполнение пробации сосредоточено вокруг лишь одного наказания в виде ограничения свободы. Досудебная пробация фактически не работает, так как отсутствует ее уголовно-процессуальный алгоритм. Пенитенциарная пробация реализуется не в полном объеме, поскольку в соответствии с рекомендациями Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) программы социальной реинтеграции осужденных в местах лишения свободы должны совместно осуществлять сотрудники органов пробации и администрация пенитенциарных учреждений. Такая деятельность в настоящее время не проводится, и администрация учреждений выдает за пробационные мероприятия обычный набор традиционных мер воспитательно-профилактического воздействия, которые регулярно проводились в местах лишения свободы. К сожалению, не функционирует должным образом и постпенитенциарная пробация, так как из-за не всегда выверенных управленческих решений бывшего руководства МВД РК из числа адресатов пробационного воздействия совершенно необоснованно были исключены лица, находящиеся под административным надзором после отбытия наказания в виде лишения свободы.

Просчеты и ошибки, а также методологические и организационные упущения незамедлительно сказались на общем состоянии пробационной практики в нашей стране. В частности, доля лиц, совершивших тяжкие преступления и находящихся на пробационном контроле, составила 65,5 %. При этом удельный вес осужденных за преступления средней тяжести, был равен 22,1 % [4, с. 10]. Сведения об этом приведены в таблице 2.

Подобная практика противоречит рекомендациям международных стандартов ООН, в соответствии с которыми пробационный контроль рассчитан в основном на лиц, совер-

Таблица 1

Статистика применения пробационного контроля в Республике Казахстан
(по состоянию на I квартал 2024 г.)

Виды уголовно-правового воздействия, связанного с пробацией. Показатели в абсолютных величинах и процентах					
Ограни- чение свободы	Условное осуждение	Лишение права занимать определенную должность или заниматься опреде- ленной деятельностью	Привлечение к общественным работам	Отсрочка отбывания наказания	Исправи- тельные работы
19 925 (70,6 %)	3335 (11,8 %)	3893 (13,8 %)	493 (1,7 %)	584 (2,1 %)	8 (0,03 %)

Таблица 2

Практика распределения режима пробационного контроля по категориям преступлений в Республике Казахстан (по состоянию на 1 апреля 2024 г.)

Категории уголовных правонарушений	Удельный вес применения пробационного контроля	
	Количество	Процент
Уголовные проступки	989	3,5
Преступления небольшой тяжести	2457	8,7
Преступления средней тяжести	6228	22,1
Тяжкие преступления	18 496	65,5
Особо тяжкие преступления	68	0,2

шивших сравнительно неопасные преступления. Ситуация, сложившаяся в Казахстане в сфере пробационного контроля, показывает, что его адресатами нередко становятся виновные в серьезных преступлениях против личности, собственности, осужденные, совершившие преступления террористической и экстремистской направленности. По данным за апрель 2024 г., в Казахстане 235 осужденных, находящихся на учете в органах пробации, подозревались в совершении новых преступлений. При этом 94 осужденных совершили тяжкие, рецидивные преступления, включая 7 случаев убийств [4, с. 12].

Существование рецидивной преступности среди осужденных, находящихся на пробации, объяснимо как ошибками в ее назначении, так и фактическим отсутствием эффективной работы по социальной реинтеграции осужденных, подменяемой ее имитацией. Трагические события, произошедшие в октябре 2024 г. в г. Талгар Алматинской области, связанные с убийством 16-летнего Шерзата Болатовича группой лиц, среди которых был осужденный, находящийся на пробационном контроле и продолжающий свою преступную деятельность¹, наглядно демонстрируют проблемы необоснованного применения пробации и отсутствия успешной деятельности по социальной реинтеграции осужденных. Кроме того, неэффективен и сам пробационный контроль, который необоснованно отделили от мероприятий по оказанию социально-правовой и иной помощи осужденным. В целом следует отметить, что произошло ухудшение криминогенности контингента, находящегося на пробации.

Возникла парадоксальная ситуация, которую можно назвать крушением иллюзий и надежд. На пробацию возлагались надежды, связанные с возможностью оздоровить контингент осужденных, преодолеть издержки избыточного применения наказания в виде лишения свободы. На практике произошло совершенно обратное: круг адресатов пробации в социально-правовом и нравственно-психологическом отношении стал более запущенным.

При этом не прекращались попытки паллиативного реформирования пробации. Одна из таких попыток, которую мы последовательно и аргументированно критиковали, была связана с возможностью передачи органов пробации под юрисдикцию Комитета административной полиции МВД РК. Мы обращали внимание на то, что передача функций пробации в полицейское силовое ведомство, коим является Комитет администра-

¹ См.: Среди подозреваемых в убийстве Шерзата Болатовича есть ранее судимые – МВД // Казинформ. 2024. 15 окт. <https://www.inform.kz/ru/sredi-podozrevaemih-v-ubiystve-sherzata-bolata-est-ranee-sudimie-mvd-22adae> (дата обращения: 20.10.2024).

тивной полиции МВД РК, вступает в принципиальное расхождение с рекомендациями международных стандартов ООН в сфере уголовной юстиции. В соответствии с ними функции уголовного преследования, контроля за осужденными и их ресоциализации не должны сосредотачиваться в одном и том же государственном органе. Полиция, занимающаяся уголовным преследованием и оперативно-розыскными мероприятиями, не может одновременно выступать субъектом осуществления социальной реинтеграции осужденных. Если мы не учтем данную рекомендацию, возникает риск негативных оценок пробационного опыта Казахстана на международных площадках ООН, где обсуждается мировая практика probation и альтернативных непениденциарных санкций. Кроме того, совершенно непонятно, каким образом будет осуществляться пениденциарная probation? Сотрудники Комитета административной полиции должны будут посещать пениденциарные учреждения для осуществления пробационного воздействия на осужденных. Однако никакого организационно-правового механизма для такой деятельности не создано, и, скорее всего, будут возникать межведомственные конфликты. Неясно также, превратится ли Комитет административной полиции в орган по исполнению уголовных наказаний, на который распространяется пробационный контроль? Или функции контроля останутся в КУИС МВД РК, а Комитет административной полиции будет заниматься только вопросами социальной реинтеграции осужденных? Но эту реинтеграцию данный государственный орган никогда не обеспечивал и может возникнуть ситуация, когда эту работу вообще никто не будет осуществлять. Представляется, что это большой риск роста рецидивной преступности, появления угроз для безопасности общества и государства с одновременной дискредитацией идеи probation среди широкой общественности Казахстана.

Следует также отметить и иногда проявляющийся узковедомственный подход руководства Комитета административной полиции МВД РК к пониманию сущности профилактики правонарушений. По-видимому, оно считает, что если в будущем Законе РК «О профилактике правонарушений» полиция является одним из основных субъектов профилактики, то функции probation как бы автоматически должны уйти в органы полиции. Но в аспекте государственной политики борьбы с преступностью и научно обоснованного подхода к сущности профилактики превентивные меры – это не только набор полицейских, оперативных, режимных мероприятий, но и применение социально-правовых технологий, ресоциализирующего, реабилитационного воздействия на правонарушителей. Фактически probation – самостоятельное направление профилактической деятельности, которое существенно отличается от полицейского контроля. Само содержание probation включает в себя профилактическое воздействие на осужденных в целях предупреждения рецидивной преступности.

Таким образом, в Казахстане не сложилось условий, оправдывающих передачу органов probation под юрисдикцию Комитета административной полиции МВД РК, и вряд ли они сложатся в ближайшее время. По всей видимости, руководство МВД РК разделяет наше опасение, поскольку упомянутая передача органов probation в Комитет административной полиции МВД РК не состоялась.

Однако появилась другая проблема. Она заключается в реальном риске трансформации probation в некий придаток местных исполнительных органов государственной власти, на которые определенными учеными и идеологами полного растворения probation в системе мер социально-правовой помощи предлагается возложить функции оказания пробационного воздействия на осужденных с 2026 г. Эти идеи и являются ре-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

зультатом упомянутого когнитивного диссонанса. Если они будут реализованы, то все содержание системы пробации возложат на местные бюджеты со всеми вытекающими последствиями и проблемами ресурсного, организационно-управленческого характера. Не совсем понятно также, каким образом центры поддержки семьи превратятся в центры пробации, взяв на себя миссию ресоциализирующей, воспитательно-профилактической деятельности с осужденными. На наш взгляд, это приведет к тому, что государство и общество в Республике Казахстан, затратив огромные финансовые, технические, интеллектуальные и другие ресурсы на создание пробации, признает данный институт неэффективным и подлежащим упразднению. Полагаем, что обществу следует воздать должное идеологам и проводникам подобного курса, не сулящего ничего, кроме дискредитации рассматриваемого правового института.

Центры поддержки семьи должны рассматриваться лишь как один из инструментов пробационного воздействия, но не как его основное сосредоточие. На наш взгляд, представляется недопустимым шараханье от одной крайности к другой: от понимания пробации как набора сугубо полицейских функций к ее низведению на уровень звена в системе местных государственных администраций. Ведь пробация – это применение социально-правовых технологий ресоциализирующего, реабилитационного воздействия на правонарушителей. Само содержание пробации включает в себя профилактическое воздействие на осужденных в целях предупреждения рецидивной преступности. И осуществлять данное воздействие должны компетентные специалисты, организующие работу по социальной реинтеграции лиц, совершивших преступления.

Нельзя не отметить и проблему коллизий мер контроля и мер социальной реинтеграции преступников в условиях пробации. Особенно наглядно это видно на примере электронного контроля, используемого в процессе пробации. Трудно вообразить, что подобный контроль может быть возложен на местные органы государственной власти. По данным КУИС МВД РК в Казахстане применяется ношение более 2,5 тыс. электронных браслетов в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы и условно, то есть находящихся на пробационном контроле. Комитет УИС арендует эти устройства, включая все расходы по их обслуживанию в стоимость услуг, вместо их приобретения через процедуры государственных закупок. На 2024–2026 гг. Республиканской бюджетной комиссией в соответствии с законодательством Республики Казахстан было одобрено предоставление 1,6 млрд тенге на оплату аренды 2562 электронных браслетов. По итогам проведенного конкурса был заключен на срок продолжительностью в три года договор с ТОО «Кар-Тел» на оказание услуг по аренде 2562 электронных браслетов. В рамках договора, была выполнена поставка этого количества устройств (модель браслета «MT-60-X-PRO» со средней рыночной стоимостью 160 тыс. тенге, производитель «Megastek Technologies», КНП). При этом дополнительно требуется еще 23 469 электронных браслетов [4, с. 27]. Для обеспечения обмена данными подключение рабочих станций сотрудников осуществлено посредством защищенных VPN-каналов связи через Единую транспортную среду государственных органов (ЕТС ГО) АО «Национальные информационные технологии» МЦРИАП. Получение информации о местонахождении лиц, в отношении которых задействованы электронные браслеты, организовано поставщиком с использованием сотовой и спутниковой связи.

Практика применения средств электронного контроля приводит к ряду положительных результатов. Например, к настоящему времени установлено 1193 осужденных, нарушивших порядок и условия отбывания наказания. Кроме того, число выявленных

нарушений возросло на 16 % по сравнению с 2023 г. При этом среди осужденных, находящихся под контролем на основе электронных браслетов, нарушения выявляются в 40 % случаев, а без этих средств контроля – только в 15 %. Таким образом, повышение эффективности и технологической обеспеченности контроля способствовало снижению показателей рецидивной преступности на 13 % [4, с. 25]. Следовательно, электронно-цифровой контроль в механизме probation показывает свою результативность, которая может быть сведена к нулю, если реализовать проекты по полному разлучению probation с уголовно-исполнительной системой и ее трансформации в элемент центров поддержки семьи или других структур, аффилированных с местными органами исполнительной государственной власти. Иными словами, облик probation в зеркале современной уголовно-исполнительной политики Казахстана, увы, не внушает оптимизма.

Для решения проблемы probation в Республике Казахстан на основе системного, профессионального, государственного и научно-обоснованного подхода для начала целесообразно рассмотреть вопрос о возможности передачи органов probation под юрисдикцию Министерства юстиции Республики Казахстан или о создании отдельного государственного ведомства – Агентства probation Республики Казахстан, тем более что п. 4.12 Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2023 г. предусматривалась возможность повышения организационно-правового статуса службы probation путем обеспечения самостоятельности probation и выделения целевой подпрограммы ее финансирования.

Необходимо принять скорейшие меры и остановить процесс, который приведет к тому, что Казахстан, впервые создавший институт probation на евразийском пространстве, окажется в ситуации риска разрушения этого перспективного правового института и утраты им своего социального, профилактического и предупредительного смысла.

Список источников

1. Рахимбердин К. Х. Преодоление наследия ГУЛАГа: из прошлого в современность уголовно-исполнительной системы Казахстана : монография. Нур-Султан, 2022. 160 с.
2. Гета М. Р. Probation и ее перспективы в уголовном праве Республики Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук. Усть-Каменогорск, 2000. 221 с.
3. Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий (в связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы»). М. : ИНФРА-М, 2000. 176 с.
4. Джанибеков Т. Н. Актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы Казахстана : материалы заседания Общественного совета по вопросам деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан. Астана : МВД РК, 2024. 74 с.

References

1. Rakhimberdin, K. H. 2022, *Overcoming the legacy of the GULAG: from the past to the present of the penal system of Kazakhstan: monograph*, Nur-Sultan.
2. Geta, M. R. 2000, *Probation and its prospects in the criminal law of the Republic of Kazakhstan: PhD thesis (law)*, Ust-Kamenogorsk.
3. Zubkov, A. I. 2000, *The punitive policy of Russia at the turn of the Millennium (in connection with the draft Federal Law "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on issues of the penal system")*, INFRA-M, Moscow.

4. Dzhaniybekov, T. N. 2024, *Actual problems of the penal enforcement system of Kazakhstan : materials of the meeting of the Public Council on the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan*, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana.

Информация об авторе

К. Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции.

Information about the author

K. Kh. Rakhimberdin – Sc.D (Law), Professor, professor of the jurisprudence department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.